

В.Г. Авсеенко

Люди и жизнь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В11

В11 **В.Г. Авсеенко**
Люди и жизнь / В.Г. Авсеенко – М.: Книга по Требованию, 2024. – 523 с.

ISBN 978-5-458-17130-4

Сборник повестей и рассказов В. Авсеенко, среди которых "Молодо-зелено", "Батистовый платок", "Братья Хрычевы", "Прятели" и др.

ISBN 978-5-458-17130-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

было узнать отставного генерала. — Мастерски выразился Василий Провичъ.

— А вѣдь это именно наши два народные элемента: мягкость и строгость, — вставилъ третій собесѣдникъ, человекъ лѣтъ пятидесяти, съ круглымъ лицомъ не то барскаго, не то бюрократическаго типа, выразившимъ смѣсь тонкой дипломатичности съ напускнымъ благодушіемъ. Онъ уже доѣлъ послѣднее блюдо, и сидѣлъ въ полъ-оборота къ обществу, глаза на постороннюю публику и раскачивая къ себѣ и отъ себя палку съ серебрянымъ набалдашникомъ. — Да, да, мягкость и строгость — это два чудныя начала, лежащія въ основѣ всего нашего устройства, семейнаго и общественнаго.

Весь народный укладъ на нихъ держится, подтвердилъ Василий Провичъ. — И климатъ у насъ тоже народный: мягкій и вмѣстѣ суровый.

— Что это, какія вы смѣшныя вещи говорите, — неожиданно вышлась одна изъ двухъ сидѣвшихъ тутъ дамъ. Вѣдь если такъ рассуждать, то береза у васъ окажется лучше пальмы, потому что напоминаетъ вамъ строгую отеческую розгу.

— Береза? Да это первое дерево въ мірѣ! воскликнулъ Спѣсивцевъ. — Она даже и по красотѣ живописнѣе вашей пальмы.

— Вы торгуете березовыми дровами, что ли? сказала дама, и засмѣялась, чтобы смягчить рѣзкость своей выходки.

Спѣсивцевъ въ душѣ обидѣлся, но не показывать виду, и посмотрѣлъ на даму ласково-соплатательнымъ взглядомъ.

— Очень ужъ вы къ заграницамъ привыкли, — отвѣтилъ онъ.

— И не раскаиваюсь, — подтвердила дама, улыбувшись красивыми, немножко крупными губами, съ замѣтнымъ темнымъ пушкомъ надъ ними и крошечной родимкой на уголокъ рта.

Ее звали Еленой Дмитриевной Глыбовой. Мужъ ея, большой дѣлецъ, директоръ крупнаго промышленнаго предприятия и миллионеръ, находился теперь въ Петербургѣ, и долженъ былъ пріѣхать за нею въ концѣ сезона. Она жила въ Ниццѣ съ девятилѣтней дочкой и гувернанткой, занимала прелестную маленькую виллу, и считалась одной изъ самыхъ элегантныхъ представительницъ русской колоніи. Ей было тридцать лѣтъ, но лицо ея сохраняло слѣды свѣжести, и вся она носила отпечатокъ той милой, влекущей прелести, какою обладаютъ только очень молодые женщины.

II.

Великолѣпнаго вида гарсонъ подаль ликеры и фрукты. Генераль съ покрашенными усами смотрѣлъ на этого гарсона съ какою-то злобною насмѣшливостью, точно рѣшалъ въ умѣ:—«а что, еслибъ ему да вдругъ крѣпкое словцо загнута?»

— Вотъ, полюбуйтесь, — обратился онъ ко всѣмъ вообще: — самая настоящая квинт-эссенція западной цивилизаціи. Кожа, у канальи, какъ у женщины тонкая, да розовая, усики какъ у гусарскаго корнета, фракъ, какой у насъ полтораста рублей стоитъ, а вѣдь лакей, хамъ; бросьте ему два мѣдныхъ су, онъ въ жилетный карманъ спуститъ и «merci, monsieur!» скажетъ; а попробуйте ему, на примѣръ, рожу горчицей смазать, такъ въ тюрьму васъ засадитъ. Правильно это, я васъ спрашиваю?

— Кто же лакеямъ рожу горчицей мажетъ? — возразилъ круглолицый господинъ, по фамиліи Толченъ, директоръ и тайный совѣтникъ. Въ его голосъ какъ бы даже безгливость послышалась.

— Нѣтъ, я разсуждаю принципиально, — продолжалъ генераль. — По-моему, если ты хамъ, такъ и держи себя хамомъ, и ситуационное-то свое достоинство оставь. А то, изволите видѣть: на водку ему подай, а говори съ нимъ

на «вы». И добро бы въ самомъ дѣлѣ честный гражданинъ былъ, а то вѣдь дрянъ, жуликъ; въ душѣ ни Бога, ни совѣсти нѣтъ, всякія развратныя мерзости дѣлаетъ...

— Да почему вы знаете?—вскричала другая дама, очень недурненькая брюнетка небольшого роста, съ пухленькой, немного приподнятой верхней губой, придававшей, вмѣстѣ съ коротенькимъ носомъ, нѣсколько задорное выраженіе всему лицу.

Она только недавно вышла замужъ, и проводила въ Ниццѣ свой медовый мѣсяцъ. Ея мужъ, Эсперъ Петровицъ Варваровскій, тучный блондинъ лѣтъ сорока-пяти, совершавшій бойкую служебную карьеру подъ покровительствомъ своей воспитательницы княгини Троевѣровой, извѣстной ханжи и благотворительницы на чужія деньги, присутствовалъ тутъ же.

— Кто же этого не знаетъ?—возразилъ генералъ.— Вся Франція, въ сущности, вотъ изъ такихъ гарсоновъ состоитъ. Общеерастлѣніе, вырожденіе; распутство какъ образъ жизни. Ни у кого ни Бога, ни чести въ душѣ нѣтъ. Поганые трусишки, крикуны, благѣры. Послушать ихъ—первая нація въ мірѣ; а поставь ихъ снова подъ прусскія пули—опакосятся хуже, чѣмъ въ тотъ разъ.

Молчавшій до тѣхъ поръ Варваровскій взглянулъ на жену и на Елену Дмитриевну, какъ бы желая убѣдиться, не смущены ли онѣ выраженіями генерала; но, не замѣтивъ на ихъ лицахъ ничего особеннаго, проговорилъ тономъ убѣжденія:

— Совсѣмъ пропалъ народъ.

— Да ужъ чего лучше, когда они только и дышатъ стали съ тѣхъ поръ, какъ явилась надежда на военное заступничество Россіи,—продолжалъ генералъ.—Батюшки мои, какъ обрадовались! Только-что не говорятъ: спасите, молъ, насъ отъ нѣмцевъ, а мы въ это время будемъ паскудничать и подлыя шансоветки пѣть. И вѣдь что противно: самомнѣзіе при этомъ величайшее. Ну, если

ты трусишка, чортъ съ тобой, полѣзай ко мнѣ за пазуху; такъ по крайней мѣрѣ знай, что ты прохвостъ, и поклонись мнѣ въ ножки. А они все еще себя первой націей въ мірѣ считаютъ. Мы ихъ отъ нѣмцевъ спасать должны, а скажи я вотъ этому самому гарсону по-русски: «подай счетъ, подлая твоя рожа!»—такъ вѣдь онъ глаза выпучить, и не пойметъ ни слова.

Мужчины разсмѣялись.

— И хорошо, что не пойметъ,—замѣтилъ Толченевъ;—а то повелѣн бы насъ, русскаго генерала, судиться съ гарсономъ у французскаго мпрового.

— Да еще не у французскаго, а у монакскаго,—вставилъ, смѣясь, Сибсивцевъ.

— Меня вотъ что удивляетъ, господа,—заговорила Елена Дмитріевна, натягивая перчатку на свою узкую, чуть-чуть загорѣвшую руку.—Когда французы относились къ намъ и ко всему русскому съ пренебреженіемъ и насмѣшкой, у насъ всѣ имъ поклонялись, и въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества прямо лакействовали передъ ними. А когда во Франціи отношеніе къ намъ измѣнилось, и они стали насъ цѣнить, и можетъ быть даже искать въ насъ, мы вдругъ прониклись невѣроятнѣйшимъ презрѣніемъ ко всему французскому. Согласитесь, господа, что это вовсе не народная наша черта, и что въ этомъ нѣтъ ничего симпатичнаго.

— Позвольте, но вѣдь надо знать, почему они стали цѣнить насъ. Имъ наши два милліона штыковъ нужны, вотъ что-съ!—вступился за генерала Сибсивцевъ.

— Это одно другому не мѣшаетъ; еслибы Германія намъ грозила, да еще вмѣстѣ съ Австріей или Англіей, такъ и намъ французскіе штыки пригодились бы,—защищалась Елена Дмитріевна.

— Обошлись бы, обошлись бы безъ нихъ! сами отъ всѣхъ отбились бы!—кричалъ генераль.—Съ нами воевать —не то, что съ культурными народами. Въ нашей

непокрытой избѣ ничѣмъ не поживишься. У насъ грязь невылазная, да голь перекатная—намъ терять нечего.

— Ну, вотъ видите: сами же сознаетесь, что намъ терять нечего,—продолжала Глыбова.—А у нихъ въ каждый квадратный метръ земли сколько труда и капитала заложено. Не удивительно, что имъ есть за что тревожиться, и что война пугаетъ ихъ больше, чѣмъ насъ. Люди дорожатъ своими культурными благами, накопленными вѣками, а вы ихъ за это трусами считаете.

— Нѣтъ-съ, не то,—возразилъ Толченевъ,—а ужъ очень они избаловались, жизнь свою слишкомъ хорошо обстроили, оттого и рисковать ею не хочется. Въ этомъ всегда лежитъ начало паденія народовъ.

— Такъ по вашему, для величія народа нужно, чтобъ онъ всегда въ непокрытыхъ избахъ жилъ?—вмѣшалась Катерина Павловна Варваровская.

— Нужно не нужно, а только этакъ какъ-то серьезнѣе выходить,—отвѣтилъ Толченевъ съ маленькимъ, неизвѣстно къ чему относившимся смѣхомъ.

— Душу свою народъ берегаетъ этакъ,—пояснилъ за него Спѣсивцевъ.

Елена Дмитриевна немножко прищурила на него свои большіе, продолговатые глаза и расхохоталась.

— Ахъ, Василій Провлчъ, вы неподражаемы,—проговорила она весело.—Теперь я понимаю, почему при вашихъ фабрикахъ не устроено ни одной порядочной школы: вы душу народную оберегаете.—Но мы засидѣлись, господа; не пора ли въ казино?

III.

Все общество направилось черезъ площадку, отдѣляющую террасу ресторана отъ казино. Впередѣ шли обѣ дамы, съ Спѣсивцевымъ по одной сторонѣ и генераломъ

по другой. Толченковъ, немного прихрамывавшій, держался съ Варваровскимъ позади.

— Какъ вы теперь себя чувствуете? помогаетъ ли южный воздухъ?—освѣдомился у своего спутника Варваровскій.

— Помогаетъ, несомнѣнно помогаетъ, — отвѣтилъ тотъ. — Меня вѣдь чтò напугало: въ пальцахъ лѣвой ноги какой-то холодокъ сталъ ощущаться. Ни съ того ни съ сего, вдругъ точно вѣтеркомъ подуетъ. И представьте, въ лѣвой рукѣ тоже самое: вотъ въ родѣ того, какъ на спиритическихъ сеансахъ бываетъ. Подуетъ, подуетъ, и перестанетъ.

— Вы думаете, это опасно?—спросилъ Варваровскій.

— Въ этихъ случаяхъ не надо думать, надо оберегать себя, — возразилъ Толченковъ. — Мнѣ, понимаете, было очень трудно уѣхать среди нашей законодательной сессіи. Моя просьба объ отпускѣ удивила князя. Но я сказалъ: — «Ваше сіятельство, съ тѣхъ поръ какъ Шарко умеръ, мы всѣ, отдающіе свой мозгъ высшимъ вопросамъ государственной политики, должны вдвое беречь себя».

— Какъ? какъ? какъ вы сказали?—обернулась черезъ плечо Елена Дмитріевна. — Повторите, пожалуйста, вашу фразу.

— О, я знаю насмѣшливое направленіе вашего ума, — проговорилъ, слегка покраснѣвъ отъ досады, Толченковъ. — Но какова бы ни была моя фраза, важно то, что благодаря ей, я имѣю удовольствіе гулять съ вами по Монте Карло.

— Напрасно подозреваете мою насмѣшливость, — отвѣтила Елена Дмитріевна. — Ваши слова меня заинтересовали просто потому, что до сихъ поръ отъ меня ускользала связь между высшей государственной политикой и... вашими консультаціями у Шарко.

— Знаю, знаю, что вашъ язычокъ острѣ всякой бритвы, — проговорилъ Толченковъ, преодолевая почув-

ствованную обиду.—Но это не мѣшаетъ мнѣ оставаться вашимъ всегдашнимъ поклонникомъ.

Елена Дмитріевна улыбнулась ему черезъ плечо, одной стороной лица.

— Чѣмъ и доказывается, что умные люди умѣютъ понимать шутки,—сказала она.

— Amen!—произнесъ съ аффектаціей генераль.—Видите, и мы что-нибудь по-латыни знаемъ.

— Да это вовсе не латинское слово, — возразила Глыбова.

Генераль озадачился, но дамы уже вбѣгали по широкимъ ступенямъ, ведущимъ въ храмъ рулетки.

Залы казино были переполнены. Шумъ снующей взадъ и впередъ толпы, гулъ разговоровъ на языкахъ всего міра, непрерывающійся звонъ сгребаемого и разбрасываемого золота, тяжелое звяканье серебряныхъ пятифранковиковъ, пестрота дамскихъ туалетовъ, духота въ воздухѣ, провизанномъ крѣпкою смѣсью духовъ и человѣческихъ дыханій—все это оглушало, раздражало, царапало нервы и ускоряло кровообращеніе. Чувствовалась какая-то нездоровая, вакхическая пряность, замаскированная разнузданность оргіи, свободный культъ неназванного, жестокаго и властнаго бога, незримо торжествовавшего въ этомъ великолѣпномъ капищѣ.

А въ большія росписныя окна глядѣла дивная южная ночь, вся млѣющая въ своей ласковой свѣжести, слабо шуршали по стекламъ острые концы пальмовыхъ листовъ, и мерцали трепетнымъ, бѣлымъ блескомъ далекія звѣзды. И эта чистота, эта прозрачность, это цѣломудренное мерцаніе ночи, ласково покрывшей капище своими холодѣющими тѣнями, какъ будто еще усиливали ощущеніе ядовитой пряности, наполнявшее внутренность храма.

— Взгляните! взгляните!—говорилъ Спѣсивцевъ, идя на шагъ впереди всѣхъ и плавно вздымая руки. — Это зданіе, эти рельефы на стѣнахъ, эти плафоны, эта живо-

пись — что́ это такое? для чего? во имя чего? Въдь это дворецъ, это музей. И какое назначеніе? Надъ чѣмъ трудилось искусство, вдохновеніе, знаніе? Чтобъ создать игорный домъ, вертень! Вотъ эмблема современной цивилизаціи...

— Я же говорилъ! Развѣ я не говорилъ! — подхватывалъ генераль.

При входѣ во вторую залу, Варваровскій окликнулъ всѣхъ:

— Господа, а развѣ мы не пріостановимся отдать дань рулеткѣ? Mesdames, скажите мнѣ по вдохновенію нумеръ, чтобъ поставить en plein.

— Тринадцатый! я всегда на него ставлю! — откликнулась Глыбова.

— Отлично. На ваше счастье! — произнесъ Варваровскій, и подошелъ къ столу.

Остальные тоже подошли къ столу. Варваровскій бросилъ черезъ голову какого-то американца луидоръ и подвинулъ его лопаточкой на 13-й нумеръ. Шарикъ уже вертѣлся, зыкая и подпрыгивая.

— Rien ne va plus! — послышался окрикъ крупье.

— Zéro, — раздался черезъ секунду тотъ же голосъ.

— Погибла золотушка! — съ гримасой обратился ко всѣмъ Варваровскій. — А вы, господа, развѣ не рискнете?

Спѣсивцевъ досталъ портмоне, порылся и вытащилъ луидоръ, который у него не приняла сегодня въ двухъ магазинахъ.

— Я на красную поставлю, — сказалъ онъ, и осторожно, чтобъ не зазвенѣла, положилъ монету на сукно. Онъ зналъ, что по звону отличаютъ хорошія монеты отъ «нехорошихъ».

— Trente-deux, rouge, pair et passe, — объявилъ крупье.

Спѣсивцевъ спокойно снялъ двѣ монеты и опустилъ ихъ въ карманъ.

Елена Дмитриевна поставила на 13-й номеръ и проиграла.

Толченковъ тоже что-то поставилъ и проигралъ. Варваровская, не захватившая съ собой денегъ, взяла у Глыбовой пятифранковку — у мужа она не хотѣла брать — и наобумъ, ничего не понимая въ игрѣ, положила монету на черту. Крупные выбросилъ на ся ставку 55 франковъ. Она вопросительно оглянулась на Елену Дмитриевну.

— Берите же, это ваши. Вы сдѣлали *transversale de trois numéros*, — объяснила та.

IV.

Заплативъ, такимъ образомъ, скромную дань рулеткѣ, общество соотечественниковъ отошло отъ стола и продолжало прогулку по заламъ.

При входѣ въ отдѣленіе *trente-et-quarante*, на встрѣчу имъ попался молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-восьми, средняго роста, съ очень пріятными чертами чисто русскаго лица. Темно-русые волосы его были коротко острижены, отчего онъ казался еще моложавѣе. Веселые каріе глаза его какъ будто улыбались, добродушно и мягко. Яркія, пухлыя губы подъ маленькими усиками не улыбались, но и отъ нихъ вѣяло тѣмъ же мягкимъ добродушіемъ; даже и въ овалѣ щекъ, немножко полныхъ, съ вѣжливой, какъ у женщинъ, розоватостью, замѣчалось тоже добродушіе. И вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ молодомъ человѣкѣ чувствовались и бойкость, и энергія, и большое русское «себѣ на умѣ», и нарастраченное любопытство къ жизни.

Онъ шелъ довольно скоро, молодой, крѣпкой походкой, и безвѣчно поглядывалъ по сторонамъ, какъ человѣкъ, которому все равно, уйдти ли сейчасъ отсюда, или встрѣтить знакомыхъ и остановиться съ ними. Онъ чуть не

налетѣлъ на Елену Дмитріевну, но узнавъ ее, тотчасъ радостно улыбнулся, при чемъ все лицо его немножко вспыхнуло, и въ бойкихъ зрачкахъ засвѣтился тотъ ласковый блескъ, которымъ, кажется, обладаютъ только русскіе глаза.

Онъ раскланялся, назвавъ Елену Дмитріевну по имени. Она какъ будто не сразу его узнала, прищурилась на него съ нѣкоторой осторожностью, но потомъ, припомнивъ, протянула ему руку и проговорила съ равнодушной привѣтливостью:

— Мосье Лаховъ? Давно ли вы въ этихъ мѣстахъ? Очень рада съ вами встрѣтиться.

Молодой человѣкъ, съ лица котораго еще не сбѣжала вызванная неожиданной встрѣчей краска, отвѣтилъ съ запинками конфузливаго молодого самолюбія, что пріѣхалъ вчера, остановился въ Ниццѣ, думаетъ прожить здѣсь съ мѣсяцъ, потому что «чудное же мѣсто», а собственно въ Монте-Карло сегодня въ первый разъ, и еще не успѣлъ какъ слѣдуетъ ознакомиться съ любопытнымъ «заведеньищемъ».

Онъ, говоря, все время слегка посмѣивался, весело поводя глазами, и немножко точно пританцовывалъ на мѣстѣ, какъ дѣлаютъ молодые люди, не успѣвшіе овладѣть собою и желающіе скрыть это.

А Елена Дмитріевна, чтобъ ободрить его, старалась глядѣть на него какъ можно привѣтливѣе, и въ то же время припоминала все, что только могла о немъ припомнить. Но память подсказывала очень немного. Она встрѣчала его мелькомъ въ Петербургѣ, онъ даже бывалъ у нихъ въ домѣ, на большихъ балахъ. Но это было совсѣмъ поверхностное знакомство, не выдѣлявшее Лахова изъ толпы, которую она принимала три-четыре раза въ годъ. Впрочемъ, однажды, кто-то обратилъ на него ея вниманіе, и она пристально и проницательно оглядѣла его. Впечатлѣніе, кажется, было въ его пользу.